

ПОЛИТИКА

Н.С.Розов

ЭПОХИ ТУРБУЛЕНТНОСТИ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ¹

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-03-00318-ОГН «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX—XXI вв.: макросоциологический социально-философский анализ».

Николай Сергеевич Розов — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, зав. кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор Новосибирского государственного технического университета. Для связи с автором: nrozov@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена, обозначаемого термином «эпоха турбулентности». Эпоха турбулентности определена как исторический период, когда учащаются и обостряются социальные и международные конфликты, отягощенные ростом насилия, что находит выражение в настроениях растерянности и тревоги, интенсивности мятежей, революций, войн, захватывающих сильнейшие государства и существенно нарушающих их внутренний социальный порядок, а также порядок международных отношений. Эпохи турбулентности случаются как на региональном, так и на глобальном уровне. Поскольку с XVI в. начинается мировая экспансия европейских народов, особое значение имеют эпохи турбулентности в Европе, которые обретают все более глобальный охват к XX в. Выделено шесть главных эпох турбулентности: 1) 1517—1648 гг. (Реформация и религиозные войны); 2) 1789—1815 гг. (Великая французская революция, последующие революционные и наполеоновские войны), 3) 1848—1871 гг. («весна народов», Крымская война, войны Бисмарка, Парижская коммуна); 4) 1914—1919 гг. (Первая мировая война, Русская революция и полемогенные революционные волны); 5) 1939—1953 гг. (Вторая мировая война, коммунистические революции и Корейская война); 6) с 2003 г. (текущая эпоха турбулентности). Понятие «эпоха турбулентности» включено в концептуальную модель коэволюции социальных, ментальных и функциональных порядков. Показано, что каждая из эпох турбулентности преодолевалась посредством утверждения нового международного порядка, новых принципов внутривнутриполитического устройства государств, распространения новых религиозных, социальных, моральных ценностей. На основе обобщения факторов преодоления прошлых эпох турбулентности и фиксации базовых причин эпохи нынешней обрисованы контуры международного порядка, способного обеспечить выход из ситуации хаоса и неопределенности.

Ключевые слова: эпоха турбулентности, глобальные кризисы, революционные волны, интрасоциетальный порядок, международный порядок, международное право, ответственность элит

Человек, чувствующий ветер перемен,
должен строить не щит от ветра, а хороший ветряк.

Китайская пословица

Происхождение термина и разработка определения

² Greenspan 2007. В русском переводе книга Гринспена вышла под другим заглавием — «Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы» (Гринспен 2010).

³ Норт, Уоллис и Вайнгаст 2011.

Термин «эпоха турбулентности» вошел в глобальный дискурс после издания в 2007 г. книги мемуаров бывшего председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы США Алана Гринспена «Эпоха турбулентности: Приключения в новом мире»².

Само слово «турбулентность» происходит от латинского *turbulentus* — «бурный, хаотичный, неупорядоченный». Его использование указывает на преобладание нелинейных процессов, хаотичность, непредсказуемость событий, резкие смены трендов, рост конфликтности. Вместе с тем для рационального осмысления природы эпохи турбулентности требуются:

- хотя бы эскизная концептуализация, зафиксированная в рабочем определении;
- включение в ту или иную парадигму, увязывание с некоей теорией (группой теорий) исторического процесса;
- выявление и сопоставление нескольких явлений, подпадающих под определение.

Уже в одном из значений латинского *turbulentus* содержится четкая отсылка к *нарушению порядка*. Это подводит нас к современным концепциям социальных порядков³. Очевидно, что эпоха турбулентности должна затрагивать как минимум два уровня социальных порядков — экономический, политический, культурный порядок внутри государства (который мы будем называть *интрасоциетальным*) и порядок *международный*, то есть формальные и неформальные правила взаимодействия между государствами. Кроме того, в соответствующий концепт необходимо включить главные внешние проявления турбулентности: повышение плотности конфликтов, в том числе насильственных, их обострение и масштаб. Нарушение порядка и конфликтность в малых, слабых, периферийных государствах способны породить лишь локальную турбулентность. Чтобы определять лицо эпохи, подобные явления должны охватывать сильнейшие державы, доминирующие в мировом регионе или мире в целом, державы, которые, собственно, и задают правила международного порядка, а также образцы порядка интрасоциетального. Наконец, эпоха турбулентности имеет не только объективный (кризисы, конфликты и иные деструктивные процессы), но и субъективный аспект в виде приобретших массовый характер настроений безысходности, потери ориентиров, отсутствия видимых путей преодоления бедствий. В результате получаем следующее определение.

Эпоха турбулентности — это исторический период, когда учащаются и обостряются социальные и международные конфликты,отягощенные ростом насилия, что находит выражение в интенсивности мятежей, революций, войн, ощущения краха прежних установлений, бурных противоречивых эмоций (от утопических надежд

до растерянности и пессимизма), захватывающих сильнейшие государства (общества) и существенно нарушающих их интрасоциетальный порядок, а также порядок международных отношений.

Шесть эпох турбулентности

На протяжении последних пяти столетий в Европе, а затем и в мире в целом происходили бурные процессы модернизации, включавшие или обуславливавшие волны насильственных конфликтов, революций и войн, что приводило к разрушению и обновлению интрасоциетальных и международных порядков. Понятно, что число эпох турбулентности как переходных периодов между сменявшимися друг друга порядками будет зависеть от дробности выделения таких порядков. В дальнейших своих рассуждениях мы будем отталкиваться от предложенного нами ранее членения модернизации в Европе и мире на отдельные этапы⁴.

⁴ Розов 2002: гл. 5;
Розов 2018.

Порядки зрелой государственности с обширными империями (Рex Christiana в Западной Европе), первыми мир-экономиками и союзами торговых городов, феодальными иерархиями, рентными отношениями, ростовщичеством, торговым капиталом, прозелитическими «вселенскими» Церквями, а также преобладанием династической политики, приводящей к сложным, разорванным и многоуровневым конфигурациям политий.

Первая эпоха турбулентности (1517—1648 гг.) — Реформация (как революционная волна), глубокий кризис Рex Christiana, религиозные войны, в том числе панъевропейская Тридцатилетняя война.

Порядки раннего модерна с Вестфальской системой международных отношений и принципом «баланса сил», формированием суверенных абсолютистских государств и явными модернизационными тенденциями — к бюрократизации, секуляризации, капиталистической индустриализации и даже демократизации (Нидерланды, Англия). Развитие идей Просвещения, научного, технического и морального прогресса. Геокультурное доминирование Франции, просветительства и универсалистского классицизма.

Вторая эпоха турбулентности (1789—1815 гг.) — Великая французская революция, последующие революционные и наполеоновские войны.

Порядки классического модерна А, включавшие Священный союз как каркас отношений между великими европейскими державами, становление политических порядков со сквозной государственностью, сводами законов, общенациональной полицией. Расцвет романтизма, подъем национальных культур.

Третья эпоха турбулентности (1848—1871 гг.) — революционная волна, известная как «весна народов», Крымская война, войны Бисмарка, Парижская коммуна.

Порядки классического модерна В — «европейский концерт» как способ решения международных проблем «клубом» великих держав (уже с едиными Германией и Италией), расширение избирательного

права и принципов конституционализма в ведущих западноевропейских государствах, распространение идей эволюционизма, сциентизма, социал-дарвинизма, социализма, марксизма, анархизма и либерализма.

Четвертая эпоха турбулентности (1914—1919 гг.) — Первая мировая война, Русская революция и полегенные (rolémogène) революционные волны (Ирландия, Венгрия, Германия).

Порядки классического модерна С — межвоенный период, когда, с одной стороны, была создана Лига Наций, с другой, произошла Великая депрессия и в ряде стран континентальной Европы установились жесткие авторитарные режимы советского и фашистского типа.

Пятая эпоха турбулентности (1939—1953 гг.) — Вторая мировая война, волна коммунистических революций, Корейская война как прокси-конфликт между сильнейшими державами в лице США и СССР (при участии маоистского Китая).

Порядки позднего модерна с разделением по линии холодной войны, но с общим упором на научно-техническое развитие (от космоса до биотехнологий и робототехники) и экономический рост. Угасание наивной веры в технический прогресс, надежд на решение основных социальных и политических проблем с помощью некоей «единственно верной» идеологии или научной теории. Упадок больших нарративов (марксизм, фрейдизм).

Шестая эпоха турбулентности (с 2003 г.), начало которой положила вторая Иракская война, когда вновь проявился крупный разлад между ведущими западными державами. Включает также войны в Афганистане, Сирии, Ливии, Йемене, глобальный экономический кризис 2008—2009 гг., «арабскую весну», «цветные революции» (Сербия, Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран), движение *Оссиру* (США, Испания, Канада, Израиль, Португалия, Греция, Австралия, Великобритания, Россия), «болотные» протесты в России, восстания против гибридных режимов (Таиланд, Украина, Босния, Венесуэла, Турция, Тунис, Египет), присоединение Крыма к РФ, войну в Донбассе, последующий рост напряженности и санкции, выход Великобритании из ЕС, миграционный кризис в Европе, торговые войны США с Китаем и Европой. В ближайшее десятилетие можно ожидать дальнейшего усугубления турбулентности и конфликтности в связи с изменениями климата, ухудшением экологии, в частности дефицитом пресной воды, и новыми волнами миграций⁵.

За пределами перечня эпох турбулентности осталась Семилетняя война 1756—1763 гг., хотя она имела панъевропейский и почти мировой характер (крупные военные действия британских и французских сил в колониях). Несмотря на свой масштаб, эта война не нарушила порядок международных отношений с меняющимися альянсами, не привела к массовому распространению пессимистических настроений, ощущению шока и крушения старого уклада, не повлекла за собой существенных сдвигов в интрасоциетальных порядках и ментальных установках.

⁵ Данилов-Данильян 2008: 45; Пантин 2008: 4.

Не вошла в него и революционная волна 1968 г., включавшая как молодежные и иные протесты в США и странах Западной Европы, так и Пражскую весну. До статуса эпохи турбулентности эти события, при всем их размахе и значимых социальных последствиях, не дотягивают, поскольку кризисы в обеих частях биполярного мира достаточно быстро были преодолены, причем противоположным образом — западные общества стали более демократичными, эгалитарными и терпимыми, тогда как в странах социализма наступили политические «заморозки». Иными словами, общая стабильность послевоенного порядка не была прервана, и каждый из противостоящих миров продолжил развитие в выбранном направлении.

Козволюция трех порядков

Всякая эпоха турбулентности обладает своей исторической спецификой, однако для их сопоставления требуется общая теоретическая платформа. В качестве таковой используем модель коэволюции социального, ментального и функционального порядков.

Здесь социальный порядок раздваивается на внутренний (интрасоциетальный) и внешний (международный). Каждый из них включает институты как совокупности правил взаимодействия и ожиданий, организации (государственные ведомства, геополитические альянсы), типовые практики и стратегии.

Ментальный порядок охватывает как психические установки, определяющие сознание и поведение индивидов и групп, так и транслируемые в поколениях культурные образцы, прежде всего религиозные, моральные, социальные, политические идеи, ценности, принципы.

Функциональный порядок определяется динамическим взаимодействием нескольких переменных. Прежде всего это (а) состояние предметов заботы (anxiety, в терминологии Артура Л. Стинчкомба); (б) активность обеспечивающих (соответствующие предметы заботы) структур; (в) величина издержек (не только экономических), прямо зависящая от такой активности; (г) уровень напряжений, ухудшающих состояние предметов заботы. Данную схему дополняют вызовы-угрозы и вызовы-возможности (для предметов заботы), а также типовые ответные стратегии, в случае успеха превращающиеся в обеспечивающие структуры⁶.

⁶ *Stinchcombe 1987: 136.*

Если социальные и ментальные порядки сами по себе консервативны и нацелены на воспроизводство общественного бытия, то функциональный порядок порождает историческую динамику, так как постоянно возникают вызовы, обеспечивающие структуры перестают быть эффективными, издержки становятся слишком большими, появляются новые напряжения, складываются новые стратегии, оборачивающиеся либо провалами, либо успехами.

Одни и те же исторические реалии получают в указанных порядках разные понятийные проекции. Организации и институты выступают обеспечивающими структурами. Святые, ценности, принципы

отражают предметы заботы. Издержки и напряжения так или иначе осмысляются в ментальных картинах мира, а также являются ограничивающими условиями, препятствиями для институциональных и организационных практик в интрасоциетальном и международном порядках.

Основной механизм коэволюции порядков состоит в обновлении как обеспечивающих структур (институтов, организаций, практик) и отвечающих на вызовы стратегий, так и предметов заботы — отчасти благодаря смене, модификации соответствующих структур, отчасти благодаря относительно автономному развитию идей. Эволюционный характер обновлений достигается посредством отбора: провальные, неэффективные, обремененные чрезмерно большими издержками стратегии и структуры отмирают, тогда как успешные расширяются и институционализируются.

**Зарождение
турбулентности
и ее преодоление:
теоретическая
модель**

При турбулентности прежде всего разрушаются основные порядки — социальный (как интрасоциетальный, так и международный), ментальный и функциональный. Причем это порядки доминирующих обществ и государств («великих держав»), которые утрачивают контроль над остальными обществами, а также свою роль лидеров и образцов для подражания, что приводит к нарушению порядков в обширных мировых регионах или даже в глобальном масштабе.

Разрушение порядков можно концептуализировать как сочетание следующих процессов:

- обеспечивающие структуры, в том числе организации (ведомства, крупные компании, банки, международные союзы) и институты, компрометируются, теряют эффективность или распадаются, правилам перестают подчиняться, ожидания не оправдываются, резко возрастают неопределенность и тревожность во взаимодействиях;
- прежние идеи, картины мира, святыни, ценности, принципы, идентичности дискредитируются, перестают играть роль инстанций, контролирующих поведение индивидов и групп; соответственно, о прежних предметах заботы перестают печься, активность сдвигается в область кратковременных целей, связанных с безопасностью, самообеспечением, наживой;
- появляется множество новых вызовов-угроз и вызовов-возможностей (последние для тех, кто извлекает выгоду из исчезновения или ослабления контролирующих инстанций, в частности для авантюристов, бандитов и мародеров), а также новых напряжений, для которых пока нет нейтрализующих ответных стратегий.

При том что причины подобного разрушения порядков предельно разнообразны, они всегда включают провалы прежних стратегий ответа на вызовы и фиаско структур, призванных обеспечивать приемлемое состояние предметов заботы.

Следующий слой причинности образуют новые вызовы (особенно вызовы-угрозы), а также новый состав и масштаб напряжений. Вызовы

и напряжения могут носить экзогенный характер, но при включении в понятийную конструкцию агентов этих негативных воздействий следует предполагать либо усиление соседних целостностей (подъем агрессивных военных держав или геоэкономических гегемонов, напор быстро растущих популяций и т.п.), либо побочные эффекты собственного развития (повышение неучтенных издержек от активности структур и нарастание соответствующих напряжений — например, концентрация недовольных рабочих масс при развитии промышленности и урбанизации).

Конфликты (мятежи, революции, гражданские и международные войны), обычно сопутствующие разрушению порядков, являются не чем иным, как выражением ответных стратегий акторов (сословий, классов, этнических групп, государств), стремящихся обеспечить желаемые состояния предметов заботы через действия, наносящие преднамеренный или непреднамеренный ущерб другим акторам.

Важно отметить, что конфликты бывают и в рамках действующих порядков вне эпох турбулентности, но тогда они получают стандартное институционализированное разрешение. Конфликты при турбулентности отличает отсутствие подобных форм разрешения, поэтому их эскалация может приводить к все более интенсивному и массовому насилию, что вносит основной вклад в само разрушение порядков.

Все эпохи турбулентности рано или поздно завершаются, а это означает, что уже внутри них образуются новые порядки — интрасоциальные, международные, ментальные и функциональные. В ходе конфликта либо какая-то коалиция (социально-политическая или международная) берет верх, либо (в патовой ситуации) стороны достигают договоренностей. Следует предположить, что преодоление турбулентности всякий раз происходит за счет новых сочетаний ключевых элементов указанных порядков: формируются новые обеспечивающие структуры (организации, институты, практики), новые предметы заботы, выраженные в ментальных ценностях и принципах, в целях и миссиях организаций, вырабатываются новые типовые стратегии ответа на вызовы. Именно эти элементы либо диктуются победителями, либо складываются как результат договоренностей между сторонами.

**Факторы
преодоления
прежних эпох
турбулентности**

Не составляет труда выделить основные вызовы, ответные стратегии, стороны конфликтов и победителей в пяти уже завершившихся эпохах турбулентности. Наибольший интерес представляют способы выхода из ситуации неустойчивости, хаоса и насилия: новые идеи, соответствующие им новые предметы заботы и обеспечивающие структуры. Ясно, что все они имеют историческую специфику, обусловлены особенностями преодолеваемых угроз и напряжений. Есть ли какая-то объединяющая их черта? Ее выявление способно помочь в поиске путей преодоления нынешней — шестой — эпохи турбулентности. Не менее значимы и различия. Ведь периоды стабильности между эпохами турбулентности существенно различаются по длительности. Резонно

предположить, что устойчивость (долговременность) новых порядков связана с эффективностью способов преодоления турбулентности.

Первый период относительной стабильности (1648—1789 гг.) длился 141 год, второй (1815—1848 гг.) — 33 года, третий (1871—1914 гг.) — 43 года, четвертый (1919—1939 гг.) — 20 лет, пятый (1953—2003 гг.) — 50 лет. Обращают на себя внимание второй и четвертый периоды как самые короткие, что, по-видимому, указывает на некую ущербность стоявших за ними подходов к изживанию турбулентности.

Главными факторами преодоления первой эпохи турбулентности (Реформация и религиозные войны 1517—1648 гг.) стали Вестфальская система международных отношений и распространение государств нового типа с растущей центральной бюрократией (преимущественно абсолютистских монархий, но и первых нововременных демократий в Нидерландах и Англии). Получавшие все большую популярность идеи баланса сил, обусловленности религии народа религией государя («чья власть, того и вера»), неприкосновенности собственности, естественных границ, социального контракта, договоров как источника международного права, веротерпимости, гуманизма и др. выступили в роли ментальных принципов, подкреплявших новые международный и интрасоциетальные порядки.

Конец второй эпохе турбулентности (Французская революция, революционные и наполеоновские войны 1789—1815 гг.) положило учреждение победившей антифранцузской коалицией консервативного антидемократического Священного союза как основы международного порядка. При этом в самих державах-победительницах утвердились многие институциональные новшества (в том числе заимствованные у побежденной империи Бонапарта — как, например, кодекс общенациональных законов), затрагивавшие финансовую систему, порядок налогообложения, земельный рынок, правила торговли и банковской деятельности, управление провинциями, полицию, пенитенциарную систему, среднее и высшее образование и т.д. Идеи Просвещения, превознесение науки, образования и технического прогресса, бывшие во Франции XVIII в. визитной карточкой интеллектуальной фронды, превратились в основу государственной политики таких передовых государств, как Пруссия, и все больше проникали в сознание образованного класса и чиновничества других держав. Вместе с тем на место французского универсалистского классицизма пришли романтизм и национализм. Хотя общества оставались сословными и по большей части авторитарными, революционные идеи гражданского равенства, конституционализма, выборности и сменяемости власти распространялись все шире, что нашло свое проявление в эпохе турбулентности 1848—1871 гг.

Непростым для анализа является период относительной стабильности 1871—1914 гг. В интрасоциетальных порядках частичные уступки демократии, конституционализму смягчили, но отнюдь не погасили агрессивный напор революционных рабочих движений, вдохновляемых идеями социализма и анархизма. В международном порядке в клуб

великих держав Европы вошли объединенная Германия и объединенная Италия; на словах декларировался «европейский концерт», но на деле создавались военно-политические коалиции (Союз трех императоров, Тройственный союз, франко-российский альянс, а затем Антанта), обострялась борьба за колонии и передел мира. Шок от «неожиданности» и ужасов Первой мировой войны, вероятно, был связан с предшествовавшим распространением идей эволюции, научного и морального прогресса, за пеленой которых не было видно реального назревания большого геополитического конфликта.

Причины непрочности и уязвимости краткого межвоенного мира 1919—1939 гг. хорошо изучены — это и неудачный дизайн принятия решений в Лиге Наций, и Великая депрессия, которая привела к широкой дискредитации демократических и рыночных принципов, и очевидное унижение Германии с последующим попустительством в отношении ее военно-технологического подъема и реваншистских appetитов, и недооценка западными державами подрывной международной деятельности СССР, опасности его первоначального союза с гитлеровской Германией, развязавшего Берлину руки для панъевропейской агрессии.

Довольно продолжительный период относительной стабильности после Второй мировой и Корейской войн хотя и не был мирным и безопасным (достаточно вспомнить Карибский кризис, Вьетнамскую и Советско-афганскую войну, а также множество малых прокси-войн в Азии и Африке), но утвердившаяся биполярная система, создание авторитетной ООН с Советом Безопасности, фактор ядерного оружия и угрозы «ядерной зимы» блокировали агрессивные амбиции обеих сверхдержав, поддерживая неизменность мирового порядка.

С распадом Варшавского блока и СССР наступило десятилетие общей эйфории «демократического транзита», разочарование в котором совпало со второй Иракской войной 2003 г., когда впервые в послевоенной истории отчетливо обозначился разлад между ведущими западными державами.

Структурные обобщения

Судя по хрупкости и краткости последующих периодов стабильности, худшие результаты дают подходы к преодолению второй (1789—1815 гг.) и четвертой (1914—1919 гг.) эпох турбулентности. В обоих случаях новый международный порядок уверенно диктовала победившая в войне коалиция, тогда как побежденный противник (наполеоновская Франция и имперская Германия) был демонстративно унижен. Также в обоих случаях элиты альянсов-победителей не уделили должного внимания зреющим и потенциальным социальным напряжениям, которые в сочетании с популярными идеями (народовластия и конституционализма в первом случае, национализма, расизма и социализма — во втором) приводили к новым взрывам нестабильности и турбулентности.

Три наиболее долговременных периода относительной стабильности (1648—1789, 1871—1914 и 1953—2003 гг.) сходны биполярной

геополитической конфигурацией в ядре мир-экономики (держава-претендент (challenger) vs. держава-гегемон — Франция против Англии, Германия против Великобритании, СССР против США).

Следует отметить также сходство идеи баланса сил и принципа «чья власть, того и вера» середины XVII в. с идеей «европейского концерта» конца XIX в. и принципами стратегического равновесия, сосуществования систем с разными (даже антагонистическими) идеологиями во второй половине XX в.

Биполярная структура рушилась, когда держава-претендент преисполнялась экспансионистскими и мессианскими амбициями и начинала войну, в которой ей прямо или опосредованно противостоял гегемон. И во всех трех случаях держава-претендент не справлялась с напряжением такой войны.

Первые два раза это были большие европейские войны, приводившие к краху державы-претендента (империй Наполеона и Вильгельма), в третий раз фактическое поражение СССР в Афганской войне 1979—1989 гг. способствовало дискредитации коммунизма и распаду Варшавского блока и СССР. Не случайно последовавший за этим краткий период торжества единственной сверхдержавы и эйфории «конца истории» завершился военной авантюрой (с явным мессианским компонентом) уже со стороны самого гегемона ядра мир-экономики — США (вторая Иракская война). Увенчавшись в военном плане блестящей победой Америки, эта авантюра привела к удручающим политическим последствиям, положившим начало новой эпохе турбулентности.

**Причины
и особенности
текущей эпохи
турбулентности**

⁷ См. Коллинз 2009;
Валлерстайн и др.
2015, Гольцов 2017;
Мартьянов 2017;
Малашенко и др.
2018.

Вот далеко не полный перечень явлений, обычно включаемых в содержание нынешнего кризиса глобальной стабильности⁷:

- затяжные военные конфликты, формирование зон насилия и социальных бедствий, многолетние усилия по преодолению которых по сей день не принесли результата (арабо-израильский конфликт, Центральная Африка, Сирия, Ливия, Йемен, Афганистан, Мьянма, Сомали, Донбасс, Венесуэла, Колумбия и др.);
- разлад, рост напряженности между США и ЕС, США и Китаем, США и Канадой, западным миром и Россией, Brexit, конфликты внутри ЕС по поводу миграционного кризиса, демократических принципов, финансовой политики;
- терроризм, продолжающиеся угрозы со стороны международных криминальных сообществ и сетей, киберпреступность;
- миграционный кризис в Европе, почти повсеместный рост ксенофобии, сдвиг в направлении политики закрытых дверей и протекционизма;
- существенное снижение авторитета, роли, влияния ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций; рецидивы военных акций, аннексий, нарушающих нормы международного права;

- рост безработицы в связи с компьютеризацией и роботизацией, усиление социальных протестов, глобализация экономических кризисов, революционные волны;
- новая волна «вертикального варварства», разочарование в демократии, взлет популярности авторитарных лидеров, утверждение популистских режимов;
- учащение природных катаклизмов, вероятно связанных с глобальным изменением климата (наводнений, засух, пожаров), для преодоления которых зачастую не хватает ресурсов.

Включение концепта «эпоха турбулентности» в теоретическую рамку коэволюции порядков отчасти облегчает задачу выявления причин нарушения стабильности, поскольку указывает на конфигурацию возможных причин, которые в каждую конкретную эпоху наполняются различным содержанием. Элементами этой конфигурации выступают:

- появление новых непривычных вызовов и напряжений (эндогенных и экзогенных);
- провал прежних обеспечивающих структур (институтов, организаций, практик), чрезмерные издержки и незапланированные негативные последствия их деятельности;
- неадекватные стратегии ответа на вызовы;
- нерелевантность предметов заботы, выражаемых через ценности, принципы и правила, изменившимся условиям поддержания порядков.

Полноценный анализ причин масштабных и разнородных явлений турбулентности в соответствии с этой схемой соразмерен не статье, а серии крупных исследовательских проектов. Здесь укажем только на гипотетические факторы, которые представляются важнейшими.

В плане неадекватности имеющихся обеспечивающих структур и стратегий ответа на вызовы следует отметить падение регулирующей роли Совета Безопасности ООН и слабую эффективность санкций (против Ирана, Северной Кореи, России), которые вводятся отдельными странами, нередко тормозятся, смягчаются, без особого труда обходятся и явно не дают ожидаемых результатов. Дело здесь не только и не столько в технических вопросах, сколько в легитимности как самих решений, так и принимающих их инстанций. Совершенно естественно, что санкции воспринимаются и трактуются подвергшимися им государствами (причем иногда обоснованно) не как справедливое наказание за нарушение общепринятых норм, а как злоумышленные, даже своекорыстные действия политических противников, отражающие «принудительную гегемонию»⁸. Только радикальная смена статуса международных наказаний и их субъектов способна изменить эту ситуацию.

Такие общие предметы заботы, как экономическое процветание страны и престиж на международной арене, вероятно, остаются актуальными и незыблемыми для любого сколько-нибудь ответственного национального правительства. Вопрос в том, что включается в понятия

⁸ Гольцов 2017.

процветания и престижа при существенно изменившихся глобальных обстоятельствах в новую эпоху турбулентности. Доля экспортируемой технологичной продукции на мировом рынке, величина ВВП на душу населения, уровень образования, науки, медицины, качество и продолжительность жизни, здоровая окружающая среда, членство в клубах ведущих держав — все это сохраняет свое значение. Вместе с тем появляются новые, непривычные, но, по-видимому, оправданные предметы заботы (они же факторы престижа): вклад в разрешение затяжных конфликтов; значимое участие в учреждении правового порядка, позволяющего эффективно разрешать такие конфликты в своем мировом регионе; участие в ускоренном развитии депрессивных территорий, откуда исходят волны беженцев и вынужденных мигрантов; вовлеченность в деятельность международных организаций и акции по оздоровлению глобальной экологии, предотвращению бедствий и т.п.

Нынешний кризис доверия к демократии связан с тем, что демократически избранные лидеры далеко не всегда проявляют ответственность даже на национальном уровне, не говоря уже о глобальном. Механизмы поддержания и воспроизводства ответственных элит — одно из уязвимых мест в политическом развитии современных обществ.

**Восстановление
глобальной
стабильности:
эскиз подхода**

Сейчас мы находимся в лучшем случае в середине эпохи турбулентности, если не в ее начале, поскольку конфликты и неопределенность нарастают, а никаких признаков новых объединяющих идей, принципов выхода из кризиса не просматривается.

Разумеется, опыт преодоления прошлых эпох турбулентности не может дать точных рецептов для нынешней ситуации. Однако он полезен в плане указания на опасности и неверные ходы, то есть помогает установить рамки допустимого. Кроме того, обобщение идей и принципов прошлых успешных преодолений позволяет хотя бы в самых общих чертах представить эскиз актуального подхода.

Памятуя о хрупкости послевоенных триумфов 1815 г. и 1919 г., следует отбросить упования на полную победу какой-то одной стороны конфликта (пусть даже самой идеологически близкой) с последующим навязыванием проигравшим своих порядков. Биполярная или многополярная система, меняющиеся альянсы при соблюдении носителями разных конфессиональных и идеологических установок некоего базового свода правил гораздо предпочтительней в плане установления и поддержания глобальной стабильности.

В период 1648—1789 гг. в рамках такого международного порядка происходили почти регулярные войны между ведущими европейскими державами — Францией, Англией, Австрией, Испанией, Нидерландами, Швецией, затем Россией и Пруссией.

В период 1953—1989 гг. конфликтующие сверхдержавы вели между собой прокси-войны на периферии. Затем оставшаяся сверхдержава

(США) и наследница распавшейся (Россия) с большим или меньшим успехом справлялись с насилием, возникавшем в образовавшемся геополитическом вакууме (Сербия—Косово, Молдавия—Приднестровье, Карабах, Ирак—Кувейт, Грузия—Абхазия).

Вторая Иракская война открыла новую эпоху турбулентности во многом потому, что была начата с нарушением международного порядка и при несогласии не только России, но и сильнейших союзников США в континентальной Европе. Последующие конфликты, войны, аннексии указывают на главный актуальный дефицит международного порядка — отсутствие эффективной правовой и судебной системы для привлечения к ответственности нарушителей.

Исходя из этих наблюдений, можно сформулировать несколько тезисов, отражающих общие параметры перспективного подхода к преодолению нынешней эпохи турбулентности⁹.

⁹ *Подробнее см. Розов 2012.*

1. Державы, в том числе сильнейшие, должны быть ограничены в своих действиях правом и нести реальную ответственность за его нарушение, причем не по конъюнктурно меняющейся политической воле государств и их альянсов, а согласно вердикту авторитетного международного суда.
2. Международная правовая и судебная система может и должна заменить ставший неэффективным Совет Безопасности ООН, но лишь при условии добровольного ее принятия, а также готовности сильнейших мировых держав подчиняться вердиктам международного суда, что будет означать существенное ограничение их суверенитета.
3. Подобная международная судебная система, по-видимому, должна иметь как минимум двухуровневую структуру (региональный и глобальный уровни).
4. Очевидные трудности по включению держав в такую систему, которые кажутся сейчас непреодолимыми, предстанут в ином свете по мере эскалации конфликтов и усиления глобальной турбулентности.
5. Жизнеспособность и эффективность этой системы будет зависеть от степени успешности сочетания двух элементов — (1) отказа участников и их коалиций от навязывания остальным своих идей и установок и (2) общего признания свода базовых принципов гуманизма и справедливости как основы уточненного кодекса международного права.
6. Уже практически прекратившиеся попытки навязывания обществам извне формальных демократических институтов и процедур сменятся поиском механизмов формирования и воспроизводства ответственных элит с новыми (перечисленными выше) национальными и глобальными предметами заботы (что, естественно, не отменяет базовых принципов политической открытости и сменяемости власти).

Библиография

- Валлерстайн И., Р.Коллинз, М.Манн и Г.Дерлугьян. (2015) *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Института Гайдара.
- Гольцов А.Г. (2017) «Геополитическая роль Запада в современном мире: лидер, гегемон или империя?» // *Полития*, № 2 (85): 113–128.
- Гринспен А. (2010) *Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы*. М.: Сколково.
- Данилов-Данильян В. (2008) «Вода дороже нефти?» // *Аргументы и факты*, 24.01. URL: <http://www.aif.ru/money/business/1661> (проверено 3.09.2018).
- Коллинз Р. (2009) «Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики» // *Прогнозис*, № 2: 196–209.
- Малашенко А.В., Ю.А.Нисневич и А.В.Рябов. (2018) «Современное варварство: причины и следствия» // *Полития*, № 2 (89): 6–22.
- Мартьянов В.С. (2017) «Политическая онтология Модерна: в поисках ускользающего большинства» // *Полития*, № 1 (84): 107–126.
- Норт Д., Дж.Уоллис и Б.Вайнгаст. (2011) *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Пантин В.И. (2008) «Первая половина XXI в.: „эпоха турбулентности“ в мировом развитии» // *История и современность*, № 2: 3–9.
- Розов Н.С. (2002) *Философия и теория истории. Кн. 1. Прологемы*. М.: Логос.
- Розов Н.С. (2012) «Образ будущего миропорядка и стратегии России» // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, № 1: 82–96.
- Розов Н.С. (2018) «Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она?» // *Сибирский философский журнал*, т. 16, № 2: 63–74.
- Greenspan A. (2007) *The Age of Turbulence: Adventures in a New World*. New York: Penguin Press.
- Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

политика

N.S.Rozov

EPOCHS OF TURBULENCE AND WAYS TO OVERCOME THEM

Nikolay S. Rozov — Doctor of Philosophy; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Deputy Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor at the Novosibirsk State Technical University. Email: nrozov@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to conceptualization of the phenomenon described by the term “epoch of turbulence”. The epoch of turbulence is defined as a historical period when social and international conflicts become more frequent and aggravated, exacerbated by the increased violence, which is reflected in the social sentiments full of confusion and anxiety, intensity of insurrections, revolutions, and wars that affect the strongest states and violate significantly their internal social order, as well as the order of international relations. Epochs of turbulence occur at both regional and global levels. Due to the European nations’ global expansion that started in the 16th century, epochs of turbulence in Europe are especially important, and by the 20th century they have become increasingly global. Six major epochs of turbulence can be identified: 1) 1517–1648 (Reformation and religious wars); 2) 1789–1815 (Great French Revolution, the subsequent revolutionary and Napoleonic wars), 3) 1848–1871 (“Spring of Nations”, the Crimean War, the Bismarck Wars, the Paris Commune); 4) 1914–1919 (World War I, the Russian Revolution and the polemogenic revolutionary waves); 5) 1939–1953 (World War II, Communist Revolutions and Korean War); 6) 2003 – present (the current epoch of turbulence). The notion of the epoch of turbulence is included in the conceptual model of the coevolution of social, mental and functional orders. It is shown that each of the epochs of turbulence was overcome through the adoption of a new international order, new principles of the internal political structure of the states, the spread of novel religious, social, and moral values. On the basis of the factors that made it possible to overcome the epochs of turbulence in the past and documenting the basic causes of the current epoch of turbulence, the author delineates the contours of the international order that is capable of providing a solution to the situation of chaos and uncertainty.

Keywords: epoch of turbulence, global crises, revolutionary waves, intrasocietal order, international order, international law, responsibility of elites

References

- Collins R. (2009) “Tehnologicheskij sdvig i kapitalisticheskie krizisy: vikhody i tupiki” [Technological Displacement and Capitalist Crises: Escapes and Dead Ends] // *Prognosis*, no. 2: 196–209. (In Russ.)
- Goltsov A.G. (2017) “Geopoliticheskaja rol’ Zapada v sovremennom mire: lider, khegemon ili imperija?” [Geopolitical Role of the West in Modern World: Leader, Hegemon or Empire?] // *Politeia*, no. 2 (85): 113–128. (In Russ.)
- Greenspan A. (2007) *The Age of Turbulence: Adventures in a New World*. New York: Penguin Press.
- Greenspan A. (2010) *Epokha potrjasenij: Problemy i perspektivy mirovoj finansovoj sistemy* [The Age of Turbulence: Adventures in a New World]. Moscow: Skolkovo. (In Russ.)
- Danilov-Danilyan V. (2008). “Voda dorozhe nefi?” [Is Water More Expensive than Oil?] // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 24.01. URL: <http://www.aif.ru/money/business/1661> (accessed 3.09.2018). (In Russ.)

Malashenko A.V., Yu.A.Nisnevich, and A.V.Ryabov. (2018) “Sovremennoe varvarstvo: prichiny i sledstvija” [Modern Barbarism: Reasons and Consequences] // *Politeia*, no. 2 (89): 6–22. (In Russ.)

Martianov V.S. (2017) “Politicheskaja ontologija Moderna: v poiskakh uskol’zajushchego bol’shinstva” [Political Ontology of the Modernity: in Search of Mercurial Majority] // *Politeia*, no. 1 (84): 107–126. (In Russ.)

North D.C., J.J.Wallis, and B.R.Weingast. (2011) *Nasilie i sotsial’nye porjadki: Kontseptual’nye ramki dlja interpretatsii pis’mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Pantin V.I. (2008) “Pervaja polovina 20 veka: „epoha turbulentnosti“ v mirovom razvitanii” [The First Half of the 21st Century: the “Epoch of Turbulence” in World Development] // *Istorija i sovremennost’* [History and Modernity], no. 2: 3–9. (In Russ.)

Rozov N.S. (2002) *Filosofija i teorija istorii. Kn. 1: Prolegomeny* [Philosophy and Theory of History. Vol. 1: Prolegomena]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Rozov N.S. (2012) “Obraz budushchego miroporjadka i strategii Rossii” [The Image of Future World Order and the Strategies of Russia] // *Politicheskaja kontseptologija: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovanij* [The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research], no. 1: 82–96. (In Russ.)

Rozov N.S. (2018) “Kogda nachalas’ epokha moderna i zakonchilas’ li ona?” [When the Modernity Begins and Has It Finished?] // *Sibirskij filosofskij zhurnal* [The Siberian Journal of Philosophy], vol. 16. no. 2: 63–74. (In Russ.)

Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Wallerstein I., R.Collins, M.Mann, and G.Derluguian. (2015) *Est’ li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?] Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)